

В. И. Яковенко

Огюст Конт

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В. И. Яковенко
В11 Огюст Конт / В. И. Яковенко – М.: Книга по Требованию, 2020. – 112 с.

ISBN 978-5-458-13864-2

Огюст Конт, его жизнь и философская деятельность. Биографический очерк В.И. Яковенко, с портретом Конта, гравированным в Лейпциге Геданом. Санкт-Петербург, типография товарищества "Общественная польза", 1894 год

ISBN 978-5-458-13864-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВВЕДЕНІЕ.

Великая французская революція завершила критическую работу передовыхъ мыслителей XVIII вѣка. Будучи выраженіемъ по преимуществу критики, она оказалась непреодолима въ своей разрушительной работѣ. Правда, рука объ руку съ разрушеніемъ были провозглашены и права человѣка, которыя предполагалось положить въ основаніе предстоявшей созидательной работы. Но «права» хороши, какъ орудіе борьбы—какъ боевой кличъ; построить же на нихъ прочное социальное зданіе, удовлетворяющее лучшимъ человѣческимъ требованіямъ, невозможно. «Права», одни только права, всегда вели и неизбѣжно ведутъ къ развитію индивидуализма, а индивидуализмъ, при низкомъ нравственномъ уровнѣ, неизбѣжно выражается въ эгоистическихъ формахъ. Для того, чтобы создать что-либо положительное, люди должны на ряду съ правами признавать и *обязанности*. Мало того, тотъ только въ состояніи осуществлять свои права въ должной мѣрѣ и отстаивать ихъ надлежащимъ образомъ, кто сознаетъ свои обязанности и умѣетъ выполнять ихъ. Это—неопровержимая истина, подтверждаемая самыми разнообразными наблюденіями. Нѣтъ ничего однако удивительнаго, что мыслители, паложившіе отпечатокъ своего генія на весь XVIII вѣкъ, не обратили должнаго вниманія на обязанности человѣка, не разработали тѣхъ *положительныхъ* началъ, которыя должны быть заложены въ основу новаго общественнаго порядка. Обязанности? Но развѣ не вѣчными напоминаніемъ именно объ обязанностяхъ представители стараго порядка вещей гипотезировали людей и превращали ихъ въ панургово стадо? Положительныя начала? Но развѣ не эти именно положительныя начала держали народныя массы въ протяженіи цѣлыхъ вѣковъ въ состояніи рабства, певѣжества, нищеты и т. д.? Не надо намъ вашихъ обязанностей и вашихъ положительныхъ началъ! Пусть человѣку будетъ возвращена его

естественная свобода и его естественныя права, и онъ устроится наилучшимъ образомъ. Такъ неизбежно должны были думать мыслители, а за ними—и руководители общественнаго переворота XVIII вѣка. Но когда переворотъ совершился, когда пришлось приступить къ организаціонной работѣ въ широкомъ смыслѣ, тутъ-то и обнаружилась односторонность этихъ въ сущности отрицательныхъ ученій. Дѣло общественнаго преобразованія ни въ частности, ни въ общемъ не можетъ остановиться на одномъ только разрушеніи. Когда какія либо критическія отрицательныя теоріи окажутъ свое полное дѣйствіе, на смѣну имъ должны явиться положительныя ученія, уже по одному тому, что, руководствуясь только отрицательными теоріями, невозможно дѣлать положительнаго дѣла. И дѣйствительно, не говоря уже о старыхъ положительныхъ ученіяхъ, мы видимъ, что въ первой половинѣ XIX вѣка выступаетъ цѣлый рядъ мыслителей съ положительными проектами соціальнаго преобразованія человѣчества. Такъ, укажемъ на Сенъ-Симона, Фурье, Каба, Огюста Конта; всѣ они родились въ концѣ XVIII вѣка, и каждый изъ нихъ представилъ свой проектъ реорганизаціи человѣчества, каждый изъ нихъ горячо проповѣдывалъ свою, если хотите, *утопію*. Какъ, скажете, пожалуй, иной читатель,—извѣстный позитивистъ Огюстъ Контъ проповѣдывалъ какую-то соціальную утопію? Да. Мало того, онъ не только проповѣдывалъ соціальную реорганизацію общества, но даже написалъ свой знаменитый «Курсъ положительной философіи» въ интересахъ такой пропаганды. Философія, какъ философія, наука, какъ наука, его мало интересовали. Обладая громаднымъ умомъ, онъ, безъ сомнѣнія, занялъ бы одно изъ самыхъ выдающихся мѣстъ въ ученномъ мірѣ, еслибы посвятилъ свои силы какой-либо спеціальной наукѣ. Но умъ его съ юности до послѣднихъ дней былъ прикованъ къ человѣческимъ дѣламъ, къ человѣчеству. Царившая въ сферѣ мысли и дѣла анархія (безначаліе), какъ прямой результатъ всего предыдущаго развитія, произвела на него, можно сказать, потрясающее впечатлѣніе. Юношей онъ объявляетъ ей борьбу, въ возмужаломъ возрастѣ пишетъ свои два главныя сочиненія, которыя должны служить опорой въ этой борьбѣ, а съ приближеніемъ къ старости берется за практическое осуществленіе своего положительнаго ученія. Это по истинѣ былъ человекъ, относительно котораго на вопросъ, что такое жизнь великаго человѣка, можно отвѣтить словами Альфреда де-Виньи: «Мечта юности, осуществленная въ зрѣломъ»

возрастѣ». Мы можемъ находить мечту юности здоровой и разумной, а способъ осуществленія ея въ старости неправильнымъ, даже нелѣпнымъ; но это не даетъ намъ права отрицать полнаго единства жизни человѣка, не даетъ права насильственно раздѣлять его на двѣ части и одну возводить на философскій тронъ, а другую отправлять въ сумасшедшій домъ. Между тѣмъ съ Контомъ это продѣлываютъ почти въ буквальномъ смыслѣ слова. Я не погрѣшу противъ истины, если скажу, что такое несправедливое отношеніе къ великому человѣку, вовсе не подтверждающееся при сколько нибудь внимательномъ изученіи его жизни и его произведеній, объясняется въ большинствѣ случаевъ черѣшительностью, половинчатостью или двоедушіемъ его критиковъ. Въ переходные періоды исторіи, когда старый строй разлагается, а новый только еще нарождается, многіе даже изъ числа выдающихся умовъ не могутъ на самомъ дѣлѣ отрѣшиться отъ старой культуры, хотя они и осуждаютъ ея основы. Для такихъ людей Контъ, какъ личность, и его ученіе, какъ цѣлое, всегда будутъ казаться исполненными противорѣчій. Они не прочь признать все то, что подрываетъ разрушающійся строй; но они не могутъ раздѣлить стремленіе выйти на новый путь, такъ какъ не могутъ въ дѣйствительности, какъ сказано, отряхнуть прахъ отъ ногъ своихъ. Совершенно иначе отнесется къ Конту послѣдовательный приверженецъ стараго или новаго строя жизни, старыхъ или новыхъ ученій. Будучи самъ цѣльнымъ человѣкомъ, онъ легко пойметъ цѣльность и единство въ ученіи и жизни великаго французскаго позитивиста. Само собою понятно, что это нисколько не обязываетъ его ни всецѣло соглашаться, ни всецѣло отвергать разсматриваемое ученіе. Одно дѣло понять внутреннюю связь извѣстнаго ряда мыслей и то, какъ онѣ развивались въ головѣ человѣка и въ чему онѣ обязывали его, и другое опѣнить эти мысли, отдѣлить пшеницу отъ «плевелъ». Вторая задача, замѣчу здѣсь встать, не можетъ составлять предмета этой біографіи. Что же касается первой, то я надѣюсь показать, что Огюсть Контъ, какъ личность, представлялъ замѣчательно цѣльнаго человѣка и что черезъ все его ученье проходятъ одиѣ и тѣ же основныя мысли. Затѣмъ, чтобы правильно понять ученіе и личность Конта, необходимо перемѣстить самый центръ тяжести нашего изученія. Пока мы будемъ разсматривать его, какъ философа по преимуществу, хотя бы позитивнаго, до тѣхъ поръ мы не гарантированы отъ многихъ и грубыхъ заблужденій. Только ставши на

соціальную точку зрѣнія и рассматривая Конта, какъ соціальнаго реформатора, мы въ состояніи будемъ схватить однимъ взглядомъ всю жизнь его и все ученіе его и понять то *единство*, которое, наперекоръ всѣмъ ходячимъ мнѣніямъ о немъ, проникало насквозь этого необычайнаго человѣка. Такъ мы и поступимъ.

ГЛАВА I.

Ученичество.

Семья — Мать. — Въ лицѣ. — Политехническая школа. — Чтеніе. — Серьезность яе по лѣтамъ. — Исторія въ Политехникумѣ. — Исключеніе и высылка на родину. — Возвращеніе въ Парижъ. Понски за работой. — Умственные занятія. — Знакомство съ Сенъ-Симономъ. — Ученіе Сенъ-Симона. — Вліяніе Сенъ-Симона на Конта. — Юношескія произведенія Конта. — Раздоръ съ Сенъ-Симономъ. — Содержаніе статьи «Планъ научныхъ трудовъ» и другихъ. — Связь юношескихъ произведеній Конта съ послѣдующими. — Предшественники Конта.

Огюсть Контъ (носившій кромѣ того еще имена Исидора-Марія-Франсуа-Ксаверія) родился въ 1798 г. въ Монпелье (Montpellier), гдѣ отецъ его, Огюсть-Луи Контъ, служилъ сборщикомъ податей. Семья, вскормившая великаго позитивиста, была повидимому заурядной чиновничьей семьей, ни богатой, ни бѣдной. Исполненная общественныхъ и религіозныхъ предрасудковъ, она не могла ни возбудить духъ пытливости въ ребенкѣ, ни внушить ему стремленій и правилъ поведенія, сколько нибудь расходящихся съ общественной рутиню. Не смотря на вихрь революціи, потрясшей всю Францію, эта чиновническая чета не чувствовала никакой потребности въ обновленіи. Напротивъ, старше боги для нея стали вѣроятнo еще малѣе. По крайней мѣрѣ мать Конта, по его же собственному свидѣтельству, была чрезвычайно набожная и преданная католичка. Была ли она дѣйствительно религіозна, — трудно сказать: въ ту пору, какъ и теперь, и мытарство, и фарисейство, — все одинаково называли религіозностью. Это католическое рвеніе матери находилось конечно въ прямомъ противорѣчій съ тѣми новыми стремленіями, которыя скоро обнаружились у юноши Конта, а затѣмъ и съ тѣмъ новымъ ученіемъ, которое онъ сталъ проповѣдывать. Такимъ образомъ, при извѣстной неуступчивости и строптивости обѣихъ сторонъ, разрывъ былъ неизбеженъ; причѣмъ какъ матери, такъ и сыну пришлось не мало страдать отъ этихъ несогласій, какъ мы увидимъ нѣсколько ниже. Но впоследствии, когда Контъ

былъ увлеченъ культомъ женщины и когда католическая истерпимость казалась ему синонимомъ глубокой вѣры, онъ вполне примирился въ своей мысли и сердцѣ съ матерью и считалъ ее однимъ изъ своихъ трехъ ангеловъ-хранителей. Къ этому именно времени относятся слѣдующія его слова въ «Исповѣдяхъ»: «Нравственныя задатки перешли ко мнѣ отъ моей нѣжной и пламенной матери. Она всю жизнь свою не знала тѣхъ высокихъ наслажденій сердца, которыхъ вполне заслуживала... Я виноватъ передъ моей бѣдной Розалиєю (такъ звали его мать), лишая ее сыновнихъ объятій втеченіи 22 лѣтъ». Очень возможно, что свой нетерпящій противорѣчій, неуступчивый и вѣстѣ съ тѣмъ до болѣзненности чувствительный и самолюбивый нравъ Контъ дѣйствительно унаслѣдовалъ отъ матери. Тѣ чувства, которыя у матери нашли исходъ въ католическомъ рвеніи, у сына вылились въ позитивистическомъ поклоненіи передъ его святой Клотильдой.

Девяти лѣтъ Огюсть отданъ былъ въ лицей въ Монпелье интерпомъ. Изъ католико-роялистской атмосферы родной семьи онъ попалъ совсѣмъ въ другую среду. Любопытно, что уже въ этой школѣ мальчикъ обнаружилъ нѣкоторыя особенности своего нравственнаго склада. Онъ питалъ отвращеніе ко всякому *внѣшнему* авторитету и регламенту и подчинялся лишь *умственному* и *нравственному* превосходству. Эту особенность Контъ сохранилъ до конца дней своихъ и ее, можно сказать, положилъ въ основаніе всей своей соціальной схемы. Когда мальчику приходилось имѣть дѣло съ директоромъ или наставниками, вообще съ представителями внѣшней школьной дисциплины, то онъ оказывался непокорнымъ, пускался въ разсужденія, что называется у насъ, задиралъ. Съ учителями же своими онъ былъ, напротивъ, совсѣмъ другой: относился къ нимъ съ почтеніемъ и великимъ послушаніемъ. Естественно, что первые преслѣдовали его всячески и наказывали, а вторые отстаивали и защищали. Притомъ же Огюсть былъ трудолюбивъ, понятливъ и относительно своихъ познаній всегда оправдывалъ ожиданія учителей. Слабый и болѣзненный на видъ, онъ держался въ сторонѣ отъ школьныхъ игръ; тѣмъ не менѣе товарищи любили его; онъ всегда готовъ былъ выручить товарища: подсказать, помочь тайкомъ и т. п.

Изъ учителей Конта слѣдуетъ отмѣтить одну далеко недюжинную личность—пастора Анкоэтра, преподававшего въ то время математику въ лицей. Обладая обширными философскими познаніями и рѣдкими нравственными качествами, онъ оказалъ громад-

ное вліяніе на Огюста. Онъ не только впустилъ ему критическое отношеніе къ католическимъ и роялистическимъ симпатіямъ родной семьи, но и зажегъ въ немъ, какъ утверждаетъ біографъ Робине, пламя генія, которое съ тѣхъ поръ никогда не потуhalo. Контъ относился къ нему съ большимъ почтеніемъ и посвятилъ ему одно изъ своихъ послѣднихъ произведеній («Субъективный Синтезъ»). Пятнадцать лѣтъ Огюсть окончилъ лицей. Теперь ему предстояла прямая дорога въ Политехническую школу, гдѣ могли получить надлежащее развитіе его математическія способности. Но туда принимали юношей не моложе 16 лѣтъ. Слѣдовательно, Копту нужно было обождать еще годъ. Онъ остался при лицей и помогалъ одному часто болѣвшему учителю преподавать математику. Эту новую обязанность онъ исполнялъ блистательно подъ надзоромъ самыхъ строгихъ критиковъ. Въ 1814 году онъ держалъ повѣрочный экзаменъ и, выдержавъ однимъ изъ первыхъ, поступилъ въ Политехническую школу въ Парижѣ. Школа эта играла очень большую роль во всей жизни Конта. Скажемъ о ней нѣсколько словъ.

Парижскій Политехникумъ—одна изъ самыхъ популярныхъ школъ во Франціи. Этимъ она обязана, во-первыхъ, своему двойственному характеру, будучи гражданской и военной школой; во вторыхъ,—большому числу замѣчательныхъ людей, вышедшихъ изъ нея, и, въ-третьихъ,—своими прогрессивными традиціямъ. Дѣтище великой французской революціи, она свято сохраняла духъ ея. Подъ именемъ Центральной школы общественныхъ работъ она была учреждена Конвентомъ въ 1794 году для образованія инженеровъ всякаго рода, въ которыхъ чувствовался недостатокъ въ эпоху революціи и вызванныхъ ею войнъ. Выработка программъ поручена была извѣстному математику Монжу, и хотя школа съ теченіемъ времени нѣсколько разъ подвергалась перестройкѣ, но основной характеръ ея не измѣнялся. Она давала подготовку молодымъ людямъ, желавшимъ поступить въ одно изъ такихъ высшихъ специальныхъ заведеній, гдѣ требовалось основательноо знаніе математики. Курсъ сначала принятъ былъ трехгодичный, а затѣмъ двухгодичный. Ученики помещались въ общежитіи и пользовались значительными общественными субсидіями. Совѣстная жизнь сплачивала и порождала много общихъ житейскихъ интересовъ. Ученики дружно боролись за право отлучекъ, дружно возставали противъ нелюбимыхъ наставниковъ и т. д. Но, кромѣ этихъ, такъ сказать, домашнихъ дѣлъ, они принимали

съ самаго основанія школы дѣятельное участіе въ политическихъ движеніяхъ своей страны. Поступая въ школу, они клялись въ преданности республикѣ и въ ненависти къ абсолютизму. Когда роялисты выступили со своими проясками, политехники въ общей массѣ остались вѣрны республиканскому духу. Въ то время подверглись исключенію тѣ, кто обнаружилъ непріязненное отношеніе къ республикѣ и принималъ участіе въ роялистскихъ возмущеніяхъ. Но это были единицы. Ученики отнеслись несочувственно къ консульству Наполеона I, къ его диктатурѣ и наконецъ къ учрежденію имперіи. Наполеонъ хотѣлъ было «подтянуть» школу, сталъ заводить тамъ военныя порядки, но научныя и политическія традиции были сильны и спасли школу. Во время вторженія союзниковъ во Францію ученики составили особый отрядъ и сражались съ врагами. При Бурбонахъ у нихъ выходили частыя столкновенія съ правительствомъ, и школа снова подверглась реорганизации. Но особенно горячее участіе принимали ученики въ революціи 1830 года. Школа была занята королевскою гвардіей. Тогда политехники отправились на баррикады и сражались здѣсь вѣсть съ народомъ. Лафайетъ въ особомъ приказѣ прославлялъ ихъ подвиги; изъ разныхъ мѣстъ Европы и Америки они получали привѣтствія; наконецъ самъ Луи-Филиппъ хотѣлъ наградить ихъ, какъ защитниковъ «свободы и отечества». Но это не соотвѣтствовало республиканскимъ наклонностямъ политехниковъ, и они отказались отъ награды. Въ 1848 году повторилось то-же самое. Вообще техника принимала участіе во всѣхъ внутреннихъ переворотахъ и политическихъ движеніяхъ Франціи XIX вѣка и всегда заявляли себя яркими республиканцами. Но мы ограничиваемся сказаннымъ, такъ какъ полагаемъ, что для читателя уже съ достаточной ясностью обрисовалась та политическая атмосфера, въ которую попалъ 16-ти-лѣтній Огюстъ, уже отрѣшившійся отъ католически-абсолютистскихъ вѣрованій своей семьи. Такимъ образомъ его стремленіе въ выработкѣ новаго міросозерцанія получало полное удовлетвореніе съ поступленіемъ въ Политехническую школу. Здѣсь онъ ревностно изучаетъ математику и другія точныя науки и такимъ образомъ вырабатываетъ привычку правильно, методично мыслить и ограничивать поле своихъ размышленій только тѣмъ, что подлежитъ точному наблюденію и опыту. Кроме того онъ приобретаетъ массу научныхъ знаній, которыя будутъ необходимы ему для его философской энциклопедіи. Но эти занятія не поглощаютъ его всецѣло. У него остается немало времени или онъ, во всякомъ случаѣ,

умѣть найти время для чтенія по вопросамъ литературнымъ, философскимъ, социальнымъ. При этомъ его интересуетъ преимущественно великое умственное и социальное движеніе XVIII вѣка; онъ читаетъ энциклопедистовъ: Адама Смита, Юма, Кондорсэ; затѣмъ — де-Местра, Биша, Галля и т. д. Уже въ этихъ чтеніяхъ онъ ищетъ разрѣшенія основного вопроса, поставленнаго переворотомъ XVIII вѣка: къ какому новому положительному строю идетъ человечество? Юноша Контъ, понятно, не могъ рѣшить этого вопроса; но онъ накоплялъ знанія, необходимыя для разрѣшенія, — знанія, которыми онъ, благодаря своей громадной памяти, пользовался впоследствии всю свою жизнь. Заботился ли Контъ о систематическомъ чтеніи, мы не знаемъ, такъ какъ не встрѣтили никакихъ указаній на этотъ счетъ въ біографическихкихъ матеріалахъ; но, несомнѣнно, это было обдуманное чтеніе, т. е. — чтеніе, которое должно было выяснитъ ему его положеніе среди людей и дѣло, которое онъ долженъ дѣлать.

Повидимому Огюсть не зналъ юности въ томъ смыслѣ, какъ это обыкновенно понимается; онъ не зналъ юнаго веселья, забавъ, развлеченій, не зналъ горячаго увлеченія, страстныхъ споровъ, возвышенныхъ мечтаній. Нѣтъ, чѣмъ то серьезнымъ, холоднымъ, *положительнымъ* вѣяло отъ этого молодого политехника. Вѣчно серьезный, вѣчно занятый своими мыслями, онъ рѣзко выдѣлялся изъ среды сотоварищей и производилъ впечатлѣніе скорѣе зрѣлаго человѣка. Его громадный умъ при непреклонномъ характерѣ угнеталъ, словно тяжесть, всякое непосредственное проявленіе юной жизнерадостности. Но это несколько не мѣшало ему быть однимъ изъ самыхъ задорныхъ учениковъ и въ распряхъ съ начальствомъ идти во главѣ другихъ; поэтому онъ подвергался перѣдко взысканіямъ и лишался тѣхъ отличій, на какія ему давало право его умственное превосходство, признаваемое самими профессорами. Одно изъ такихъ столкновеній оказалось роковымъ, какъ для него, такъ и для всѣхъ его товарищей. Огюсть былъ уже на второмъ курсѣ и долженъ былъ кончить школу. Въ то время на первомъ курсѣ вышла «исторія» изъ-за грубаго обращенія одного изъ репетиторовъ. Старшіе вѣшались и заступились за своихъ товарищей. Они потребовали удаленія грубіяна «Какъ нахъ ни прискорбно — заявляли они ему въ письмѣ — принимать такую ибру по отношенію къ старому ученику школы, но мы требуемъ, чтобы вашей ноги не было больше здѣсь». Письмо было написано Коштомъ и его фамилія стояла первой подъ вышеприведенными сло-

вами. Правительство воспользовалось случаемъ (дѣло происходило въ 1816 г.), чтобы закрыть школу, которая уже страшно надоѣла своимъ вольнодумствомъ и безпрестанными волненіями. Конть былъ препровожденъ на родину и отданъ тамъ подъ надзоръ полиціи. Такъ плачевно закончились ученическіе годы Конта, и ему пришлось вступить въ жизнь 18-лѣтнимъ «недоучившимся», какъ сказали бы у насъ поклонники дипломированного знанія, юношей. Однако этотъ недоучка скоро превратился въ высокообразованнаго философа. Несчастье не смутило его. Онъ имѣлъ уже опредѣленную цѣль и шелъ къ ней тѣмъ путемъ, который казался ему кратчайшимъ при наличности извѣстныхъ условій. Но, скажутъ, карьера его была испорчена. Какая карьера? Во всякомъ случаѣ не та, которую пролагаютъ себѣ великіе независимые умы.

Не трудно представить себѣ, какъ встрѣтила Огюста родная семья, всецѣло погруженная въ свои мѣщанскіе интересы, прикрытые слогка правобѣрнымъ католицизмомъ. Въ семьѣ также не представлялось ничего утѣшительнаго. Тамъ, въ этомъ маленькомъ Монпелье, гдѣ каждому извѣстна вся подноготная другого, строптивый юноша съ обширѣйшими планами въ своей молодой головѣ и громаднымъ самолюбіемъ едва ли бы нашелъ себѣ дѣло даже при лучшихъ условіяхъ. Поэтому Огюсть покидаетъ Монпелье черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего невольнаго переселенія туда и отправляется въ Парижъ. Полиція не препятствовала ему, такъ какъ дѣло, за которое онъ былъ высланъ, не носило политическаго характера. Но семья старалась всячески удержатъ его, и отецъ отказалъ ему въ матеріальной поддержкѣ. Такимъ образомъ, очутившись въ Парижѣ, Огюсть долженъ былъ разсчитывать исключительно на самого себя, на свой умъ и энергію. Недостатки и лишніе не могли испугать его. Со свойственнымъ ему упорствомъ и прямою онъ ставитъ свое «быть или не быть» и возлагаетъ всѣ надежды на свою великую способность къ труду.

Въ Парижѣ Конту первымъ дѣломъ пришлось изыскивать средства къ существованію. Ему помогли профессоръ Политехнической школы Понисо, замѣтившій необыкновенныя дарованія своего ученика еще на школьной скамьѣ, и извѣстный ученый Блэнвилль. Оба они еще не разъ протянутъ руку нашему философу въ его борьбѣ съ цеховыми учеными и въ его страшной болѣзни. Теперь они пріискали юношѣ частные уроки по математикѣ. Обезпечивши себѣ кое-какія скудные средства существованія, Конть снова принялся за чтеніе по физическимъ наукамъ,

біологій, исторіи. Одно время ему улыбалось мѣсто профессора по аналитической математикѣ въ проектированной по французскому образцу Политехнической школѣ въ Соединенныхъ Штатахъ. Но проектъ этотъ не получилъ осуществленія. Затѣмъ онъ поступилъ домашнимъ секретаремъ къ богатому банкиру, видному члену парламента, а впослѣдствіи министру, Казимиру Перье. Секретарство это продолжалось только три недѣли: будущій философъ и будущій министръ слишкомъ расходились въ убѣжденіяхъ, чтобы они могли сотрудничать въ какомъ-либо дѣлѣ; простымъ же наемникомъ Контъ очевидно не пожелалъ быть. Тѣмъ временемъ правительство допустило къ выпускнымъ испытаніямъ исключенныхъ имъ раньше политехниковъ и выдержавшимъ успѣшно экзаменъ дало, по обыкновенію, равныя мѣста. Контъ не держалъ экзамена и тѣмъ вторично отрѣзалъ себѣ обычный путь къ обычной карьерѣ.

Литтрé слѣдующимъ образомъ описываетъ умственное состояніе Конта въ это время.

«Вглядываясь въ него, — говоритъ онъ, мы увидѣли бы молодого человѣка съ чрезвычайно рано развитыми, чрезвычайно дѣятельными и чрезвычайно обширными способностями, многолітн изучающаго всѣ неорганическія науки (къ біологическимъ наукамъ онъ перешелъ немного позже), свѣдущаго по части историческихъ документовъ и желающаго проникнуть далѣе въ міръ идей и спекулятивной политики. По общему духу, парящему въ его семьѣ, онъ долженъ былъ бы быть католикомъ и легитимистомъ, а на самомъ дѣлѣ онъ былъ свободнымъ мыслителемъ въ религіи и революціонеромъ въ политикѣ. Республиканскій духъ, сохранявшійся еще въ Политехнической школѣ, не смотря на деспотизмъ Наполеона и военнаго режима, но мѣшалъ развитію такого склада ума. Но индивидуальность его сказывалась пона только въ той связности, которую онъ придавалъ успавшимъ доктринамъ. Контъ является въ эту пору просто однимъ изъ новобранцевъ подъ знаменемъ, поднятымъ другими руками, или, выражаясь точнѣе, подъ знаменемъ, поднятымъ руками XVIII вѣка и революціи. Если Контъ долженъ былъ сдѣлаться со временемъ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, ему необходимо было выйти изъ этого состоянія и перейти къ другому порядку идей.»

Т. е. отъ чисто отрицательныхъ идей XVIII вѣка Контъ долженъ былъ перейти къ тѣмъ положительнымъ социальнымъ идеямъ, которыя составляютъ достояніе нашего XIX вѣка. Такой поворотный моментъ въ его развитіи совпадаетъ съ знакомствомъ съ Сень-Симономъ. Хотя впослѣдствіи Контъ считалъ за несчастье это свое знакомство, однако едва ли можно отрицать, что близкое общеніе съ Сень-Симономъ оказало большое вліяніе на выработку его міросозерцанія. Укажемъ вкратцѣ на тѣ мысли Сень-Си-